

быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страдание той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случая сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...».

Последнее замечание Гоголя о святителе Игнатии едва ли справедливо. Мир был ему хорошо известен — до монашества он был военным инженером, вращался в высших кругах Петербурга и среди литераторов и, таким образом, мог изучить человеческие страсти. С ранней юности стремившийся к подлинной духовно-нравственной жизни и явивший в себе высокий образец такой жизни, святитель в этом смысле был, разумеется, неизмеримо опытнее Гоголя. Весьма показательно, например, его отношение к популярной в России книге «О подражании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского. Эта книга, которую многие современники Гоголя, и в частности Пушкин, ставили рядом с Евангелием и которой увлекался сам Гоголь — он рекомендовал ее для чтения своим друзьям, — оказала определенное влияние на «Выбранные места...». Насколько Гоголь высоко ценил книгу Фомы Кемпийского, настолько святитель Игнатий резко ее порицал: «Книга эта написана из «мне-

С каждым из них, мне казалось, беседа-ет все небесное».

В первый приезд Гоголя в Оптину произошло его знакомство с человеком удивительной судьбы, Петром Александровичем Григоровым, к тому времени рясофорным послушником. В миру он был гвардейским офицером: из прошлого его жизни широко известен забавный эпизод. Однажды на батарею к Григорову приехал неизвестный молодой человек; когда в нем был признан великого поэта, немедленно произвел пушечный салют в его честь, за что и был посажен на гауптвахту. Иноческую жизнь Петр Григоров начал в качестве келейника у знаменитого Задонского Затворника Георгия (Машурина), духовную близость к которому он сохранил и перейдя в Оптину Пустынь. Им были изданы «Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского Богородицкого монастыря, Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных» (ч. 1 — 3; 1-е изд. 1839, 2-е — 1844, 3-е — 1845). Проживая в Иоанно-Предтеченском скиту, Петр Григоров продолжил оптинское книгоиздательство, начало которому положил несколькими годами ранее иеромонах Иоанн (Малиновский).

По приезду Гоголя в Оптину игумен Моисей поручил послушнику Петру показать гостю все примечательные места

учителей Церкви, составленном зимой 1843/44 года в Ницце. Тогда Гоголь пользовался изданием 1839 года. Теперь отец Порфирий посылает ему одно из последующих изданий (1844 или 1845 года), умноженное присоединением новых писем и «Кратким известием о жизни Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия», составленное Петром Григоровым. В конце января 1851 года отец Порфирий писал Гоголю: «Препровождаю к вам обещанные мною книги Затворника Задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт и душа его стремилась к небу... Я надеюсь, что и жизнь его прочтете с удовольствием».

Гоголь отвечал ему из Одессы в начале марта 1851 года: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне к стати в наступивший Великий Пост... Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами».

Это письмо отец Порфирий мог уже и не прочитать: он преставился о Господе 15 марта 1851 года, приобщившись за несколько минут до кончины Святых Таин. Смерть его для окружающих была полной неожиданностью, но сам отец Порфирий предсказал за неделю ее приход. Внешне она произошла как следствие сильной простуды, перешед-

(июль 1850 года), испрошивая материальной помощи на три года, он излагает свои соображения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом...».

Старец Макарий преподавал искомое благословение, но предупредил сочинителя, чтобы тот ждал препятствий в благом деле: «...по желанию вашему не смею отказать, и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сия хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению... Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искушение, требующий понуждения». Замысел этот остался нереализованным.

Третий, и последний, раз Гоголь посетил святую обитель в сентябре 1851 года. 22 сентября он выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Поездка породила разнообразные толки среди знакомых Гоголя. Действительно, в этом эпизоде много загадочного. Достоверно известно следующее.

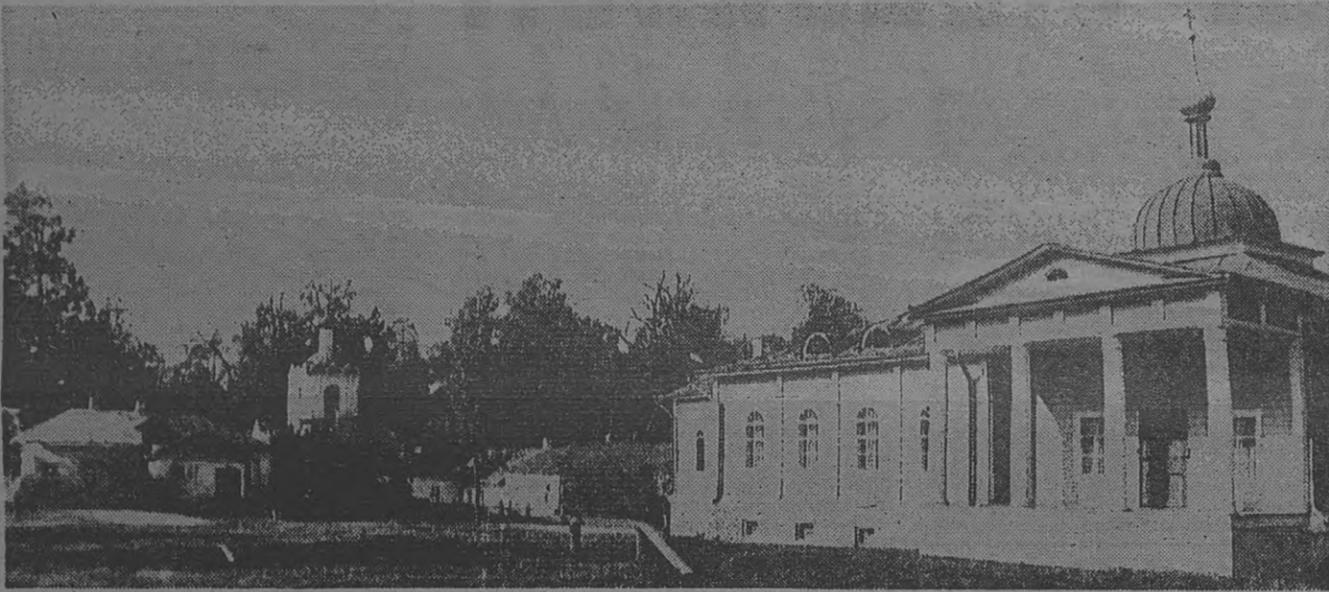
24 сентября Гоголь был у старца Макария в скиту, а на другой день обменялся с ним записками, из которых видно, что Гоголь пребывал в нерешительности — ехать или не ехать ему на родину. Он обратился к старцу за советом. Тот, видя подспудное желание Гоголя возвратиться, и посоветовал ему это. Но Гоголь продолжал сомневаться. Тогда отец Макарий предложил все-таки поехать в Васильевку. Очевидно, мысль о дальнем путешествии сильно испугала Гоголя, и старец, в полном недоумении, оставил решение на него самого, благословив его образом Преподобного Сергия Радонежского (память которого совершалась в тот день). Очевидно, между Гоголем и отцом Макарием состоялся какой-то разговор, содержание которого осталось нам неизвестным. Возможно, что Гоголь имел намерение остаться в монастыре. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Есть предание, что незадолго до смерти он (Гоголь. — В. В.) говорил своему близкому другу: «Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?»

Сразу после кончины Гоголя граф А. Толстой послал в Оптину Пустынь извещение и 15 рублей серебром на помин души новопреставленного. Посмертная связь Гоголя с Оптиной Пустынью продолжалась. Летом 1852 года С. Шевырев, возвращаясь с родины Гоголя, куда он ездил навещать родных покойного, заезжал в монастырь, где прочел его насельникам «Размышления о Божественной Литургии». Оптинские иноки, хорошо помнившие Гоголя, нашли это сочинение «запечатленным цельностью духа и особенным лирическим взглядом на предмет». Из писем Гоголя, также читанных Шевыревым, их особенно поразило одно — писанное юным Гоголем матери по поводу смерти отца.

Мария Ивановна и сама была в Оптиной на Пасху 1857 года и прожила там девять дней со своим внуком Николаем.

Последнее суждение о Гоголе-христианине, самое точное и глубокое, было вынесено после смерти его Оптиной Пустынью. Летописец обители, иеромонах Евфимий (Трунов), сурово оценив сатирическую сторону таланта великого писателя, подытожил его земное странствие: «Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи, и он ясно, лицом к лицу, увидел, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в ней уже погружены многие, им, его дарованием, соблазненные люди, и что сам он стремится в ту же бездну, очертя свою бедную голову... Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя с самим собою и с тем внутренним его врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели? Но борьба эта для Гоголя была победоносна, и он, на смерть израненный боец, с честью вышел из нее в царство незаходимого Света, искупив свой грех покаянием, тесным соединением со спасающею Церковью и злоречием мира.

Да упокоит душу его милосердный Господь в селениях праведных!»

Панорама Иоанно-Предтеченского скита.

ния», считал он, и «ведет читателей своих прямо к общению с Богом без предостережения покаянием: почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, непреходящих от самообольщения и прелести, не наставленных правильно жителю учением святых отцов Православной Церкви».

В один из приездов в Оптину (возможно, и в первый) Гоголь прочитал здесь рукописную книгу — на церковнославянском языке — св. Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было сделано печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ» с пометками Гоголя, сделанными после прочтения этой книги. На полях 11-й главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в «прелести» (обольщении. — В. В.), это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их... Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников». Эти заметки — как бы продолжение мысленного разговора со святителем Игнатием и своеобразный ответ ему.

Посещение Оптиной произвело на Гоголя глубокое впечатление. Спустя три недели он писал графу Александру Петровичу Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов.

в обители. Несмотря на краткость знакомства и беседы, Гоголь очень любил Григорова и впоследствии говорил о нем: «Он славный человек и настоящий христианин: душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный человек, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев; он всегда весел, всегда снисходителен. Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин».

По отъезде из Оптиной, уже из Васильевки, Гоголь написал Григорову письмо, прося показать обитель и его племяннику, Николаю Трушковскому. О посещении монастыря Гоголь вспоминал с сердечной теплотой: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминание». В заключении Гоголь просит молитв, «в особенности отца игумена», и передает деньги на молебен о благополучном путешествии. Трушковский приехал в Оптину в очень неподходящий момент, Петр Григоров только что был пострижен в мантию с именем Порфирия и неисходно находился пять дней в храме. Но он поручил другому человеку показать юноше монастырь и дал ему рекомендательные письма к влиятельным лицам в Калуге. Переписка Гоголя с отцом Порфирием продолжалась и зимой 1850/51 года, причем письма инока выдают определенное литературный дар и глубокое преклонение перед Гоголем: «Признательное отечество не забудет вас! Пишите, пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России...».

Очевидно, еще летом у Гоголя с Григоровым шел разговор о книгах Затворника Георгия. Его письма Гоголь читал и раньше; выдержки из них есть в гоголевском сборнике выписок святых отцов и

шей в тифозную горячку. 90-летний старец отец Иларион Троекуровский, живший в Лебедянском уезде за 300 верст от Оптиной и не знавший ничего о болезни отца Порфирия, прислал ему рубашку (в которой он и умер), пузырек масла и кусок ржаного хлеба, выразив, однако, сомнение, что посланное застанет отца Порфирия в живых. Скончался он во время чтения отходной.

Во второй раз Гоголь был в Оптиной Пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851 года. Об этом посещении (выпавшем из поля зрения биографов Гоголя) известно из записки в дневнике оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) от 2 — 3 июня 1851 года: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечернюю панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту Литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия».

В этот приезд Гоголь узнал об обстоятельствах смерти отца Порфирия и беседовал со старцами. По возвращении в Москву он пишет письма архимандриту Моисею и старцу Макарию (последнее не сохранилось), в которых благодарит за гостеприимство, просит молитв и посылает деньги на обитель. Старцы, в свою очередь, благодарят Гоголя, а отец Макарий, кроме того, исполняет его просьбу — благословляет написание книги по географии России для юношества. Замысел этого труда возник у Гоголя давно, и именно с ним связаны предполагаемые поездки по монастырям. В набросках официального письма